

КУЛЬТУРНАЯ И НЕКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Феномены политики, культуры и образования – тесно взаимосвязанные практические аспекты идеального и факторы развития сущностных сил человека. Преодоление геополитической ситуации унификации высших ценностей сопрягается с проблемой преобразующего интеллекта и инвесторов национальной идеи.

Ключевые слова:

интеллигенция, искусство, культура, национальная идея, нравственность, образование, олигархия, политика, потребности.

Фермент культуры обнаруживается реальной «закваской» социальных сдвигов. Эту особенность заметил В.О. Ключевский. Говоря о нетленном наследии святого преподобного Сергия Радонежского, он подчеркнул, что нравственное влияние таких, как Сергий, «украдкой западая в массы, вызывало брожение, незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души» [1, с. 62].

Овладение идеальными формами культуры не всегда сопровождается теоретической рефлексией, но позитивно отражается на инициативной сущности Номо и оптимизирует его созидательно-практическую натуру. На людские души воздействует выносливая убежденность, перемноженная на традиции (от лат. *traditio* – передача) и имидж носителя идеи. Горячий полюс культуры и политики родственны по темпераменту.

Бесприбыльная культура устремлена на обращение истории в богатство личности. Общение с культурой подтверждает и убеждает, что директивы и резолюции, основанные на красоте, позитивных эмоциях и морали, с большей степенью вероятности оказываются верными и перспективными по сравнению с вердиктами, обусловленными «максимизацией функции полезности».

В современных условиях инациональной оккупации и «кока-колонизации» игрового геополитического «кубика-рубика» как метафорического образа наружной политики США бодрящая революционная романтика не является основополагающим средством воплощения национальных

идеалов. Глобальную систему неисполнимо демонтировать, будучи лишь одним из элементов в периферийной подсистеме.

Согласно обширно распространенной (вернее, распространяемой) точке зрения, углеводородный Третий Рим на грани тысячелетий в очередном экстазе европеизации с неимоверной надсадой всех сил одолевает изъяны тоталитарного былого. Данное социально-политическое движение с крупным трудом поддается философскому и публицистическому осмыслению. Во всяком случае, исходные позиции, результаты и следствия второго пришествия либерализма и великой криминальной революции достаточно разноречивы и неоднозначны.

Можно прислушаться к точке зрения упорствующего в своем идеализме Ю.М. Осипова, который отмечает: «дело в том, что тогда (в начале XX века – С.Е.) перед Россией, пусть и апокалиптической, перспектива была, ибо Россия... *развивалась* (выдел. авт.). И каждый мог свою надежду иметь, тем более, что Россия к очистительной революции шла <...> Сегодня другое. Сегодня надрыв, рассеяние, пустота. Иной все-таки апокалипсис. Ни сил, ни развития, ни надежды. И это надо осознать!» [2, с. 8].

Генезис субъекта социальных преобразований в очистительной (социалистической) революции был скручен с реализацией общественного идеала, социальным просветлением и приращением смыслов: «И каждый мог свою надежду иметь». Эволюция современной политической элиты ассоциируется с унификацией обществен-

ных идеалов и доминированием распределяющего игрового менталитета.

Вольнодумствующий либерализм есть торс политических, экономических и культурных доктрин, поставленным образом истолковывающих и преобразующих мир. Данная парадигма репрезентируется именами Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Б. Франклина, Дж. Гоббса, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо, М Вебера и Ф. Рузвельта.

Одна из базовых ценностей либерализма состоит в признании за человеческим индивидуумом права и способности распоряжаться своей свободой в том случае, если он **располагает собственностью**. Обладающий селективной амнезией современный либерализм об этом не совсем случайно подзабыл. Единственным убежищем свободы обделенных собственностью остается случайность.

В 1991 г. от Р. Х. завязалось «второе издание» либерализма в России. Незамятым способом раскачивания систем является принцип «Чем хуже, тем лучше». Инфернальные начинания «чикагских мальчиков» по трансформации российского общества способом «шок без терапии» конкретизировали статусы наличествовавших социальных пластов.

«Интеллигенция» дружно бросились в архивы КГБ за доказательствами своих страданий от тоталитарного режима. Данная аморфная социальная группа впала в «смущение духа», утратив социально-оппозиционные особенности и стабильно высокую самооценку. Она рассыпалась на отдельные элементы, имеющие многообразную самоидентификацию и будущность. В целом различимо, что интеллигенция оборачивается в «офисный планктон» и рационализируется, приобретая соответствующую систему ценностей.

Все правительства России эпохи самодержца Б.Н. Ельцина с подмигивающими игровыми автоматами оказались временными. Всенародно-избранный гарант Конституции из всех видов прекрасного предпочитал застольные пения и игру на деревянных ложках.

Многие поступающие всегда логично в трудных ситуациях теоретики и «скрывающиеся от ответственности родители неудачных реформ», стремящиеся «избегнуть мешать тайным системам», исходили из постулата, что построение рыночной экономики – это процесс, вершащийся во всех краях и континентах планеты Земля примерно одинаково. А посему надо всего лишь наложить на Россию «рыночную мат-

рицу» – и дальше все получится само собой и «уже к осени начнутся улучшения».

Архитекторы, прорабы и вольные каменщики перестройки почти по всем позициям получили результат, неконгруэнтно совпадающий с «целевой функцией». Невидимая рука «позднего Адама Смита» не разбрасывает миллионы алых роз, а совместно с чиновными дланями активно шарит в карманах люмпенизирующихся граждан. Цены очень резко побежали впереди зарплат. Уровень жизни «отпустился» в свободное падение. Все сбережения дорогих россиян были «умножены на ноль». Новая эго-власть изорвала глубоко укорененный в истории и культуре негласный контракт с обществом. Транзитивный период и диванные поиски духовности приобрели черты перманентности. Нельзя сказать, что, «несмотря на лечение, больной выздоравливает». Все получилось «как всегда» (в отдельных случаях – «самым остроумным способом»).

В отличие от заокеанских легенд, глыбы российского бизнеса не обретали первоначального состояния чистой ботинок. Ни один олигарх (от греч. *oligarcia*, *oligos* – малочисленный, *arche* – власть) не реализовал свою макромечту без чуткости государства. На протяжении всей российской истории политика не была дериватом собственности. Напротив, **власть порождает собственность**. Первых олигархов неудержимо тянуло к членам КПСС. Источник сегодняшнего финансового капитала – бывшее «тело» СССР, либо «комсомольский бизнес».

В веселой, но бессмысленной жизни «сверхволевые» индивидуумы скоростно становились легальными миллионерами и миллиардерами. По удивительному совпадению почти одновременно с появлением олигархов начал ощущаться «недостаток ликвидности» на науку, культуру, образование, здравоохранение. Заговорщики-олигархи считают Россию всего лишь частью своего портфеля объектов недвижимости.

Молодые звезды олигархической бюрократии, страшно далекие от народа, громоздили друг на друга великосветские круизы и помпезные фестивали, разного рода акции, перформансы и хэппенинги превращали культуру в микроорганизмы.

Поля и клумбы «желтых» СМИ подчиняются медиатрической логике. Телевидение как «сверхоружие» обработки программируемой массы красочно демонстрирует все оттенки голубого. Новая Муза в мерцающих колбах становится великим продолжателем всех искусств. Средства

массовой коммуникации доставляют «обсервируемому» человеку по месту жительства то, зачем он раньше ходил на площадь. Виртуализированная психика не реагирует на стимулы из реального социального пространства и не способна к бунту.

Генеральный директор «Первого канала» К. Эрнст со знанием дела утверждает: «телевидение – это общественная столовая... Мы работаем в сфере обслуживания». Коммерческая цензура не запрещает культуру. Она просто не допускает появления того, что можно было бы запретить. Устраняется не произведение, а сами условия для его рождения.

PR «ходят вместе» с рекламой и ставят своей целью «приворожить» клиента, подвигнуть его на желаемый тип электропоявления или поступок, представить свой товар (будущего президента или памперсы) в самом привлекательном свете. Реклама продуцирует не ложь, но иллюзию и создает условия для самообмана потребителя. Это мастерство соблазна.

Можно купить культурный «быстросуп», в котором нет звезд, но есть посредственные артисты, богатые заказчики и шаманская экзотика. Однако культура как фактор умножения качества личного времени за быстрые деньги не приобретается. В искривленном пространстве нынешней культуры значимо и трудно подниматься по эскалатору, работающему на «спуск».

И отдаленно не случайно в современной научной и публицистической литературе термин «управление» активно заменяется английским словом «менеджмент». Имеется не только этимологический смысл в родственности звукорядов «управление», «право», «правда», «правый», «справедливость», «нравственность».

Нравственность – один из ценностных нормативов человеческой деятельности. В отличие от таких институциональных понятий, как юстиция и право, всевозможные административные и организационные директивы, уставы и инструкции, данный регулятор имеет специфическую природу и формируется в самом процессе не всегда поэтического социального бытия. Генетической и простейшей формой еще не обособившихся этических систем являются плотно связанные с мифологией и религией **национальные обычаи**.

Управленцами в российской истории нарекали **нравственных** людей. Они реализовывали идеи **справедливости**, базирующиеся на **праведной** и **нравственной** экономике. Ее базовые представления перпендикулярны по отношению к сте-

реотипам западного «менеджмента» и «экономикса».

Устойчивость наличествующей системы с зашлакованными общественными капиллярами, играющей в «сильную власть», подпирается фактически превалирующим гедонизмом: весьма проблематично уверить «субъекты социальных преобразований» согласиться хоть на малые жертвоприношения во имя возвышенных идеалов и социальной справедливости. Вся духовная энергия отсасывается «реальными» делами и дробными задачами.

Социально-психологический портрет «ориентированного извне» человека с хитрыми желудочно-генитальными потребностями в пирамиде А. Маслоу очертил немецко-американский философ Э. Фромм в последней книге «Иметь или быть». Последователь З. Фрейда разделит человечество на две группы: на желающих «быть» и стремящихся к исчерпывающему развитию, и на тех, кто ощущает непреодолимую потребность к безудержному обогащению и накоплению. Второй тип человека получил название «человек-потребитель» (Homo-consumers). «Потребительство, – отмечает Э. Фромм, – характеризуется установкой, суть которой заключается в стремлении поглотить весь мир. Потребитель – это требующий соски вечный младенец» [3, с. 214].

Чертог потребительского общества не мобилизуем. Идеология бонвиванства и эпикурейства, в основе которой возлежит внедрение гедонистических принципов, агитация и пропаганда быстрых обогачительных процессов делается для российского общества владычествующей. Потребительское сознание можно определить как альтернативу мессианскому.

Сугубо недуховная ориентация членов социума делает кое-каких индивидуумов «богатыми»; основная масса становится инфантильной и легко управляемой инстинктами и эйфорией по банальному поведению. Шоу-бизнес стал для молодежи «гламурной» дорогой жизни. В обезличенной массе общества потребления трудно отыскать крупницу духа, не отравленную бигмаками и сериалами. Как обозначал Н.А. Бердяев, «зло коварно, потому что оно бывает привлекательно».

В «программе Путина» и в остальных «текстах власти» обосновывается отказ от поиска смысла и достижения полноты бытия. Идея партии «Единая Россия» является знаком, лишенным содержания. Человеку навязывается имитационный способ существования, разрушающий личность. Для современного государства какая-либо

идеология не просто не нужна, но и до чрезвычайности вредна.

Не склонный к материализму Гегель когда-то назвал государство «образом Бога на Земле», ибо любое самое протухшее государство функционирует на совместный интерес. Государство организует и структурирует мир политического. Оно сковано с властными и влиятельными отношениями, учреждениями и правом, являясь нормативным ядром политического. При таком доступе политику, вслед за Аристотелем, можно определить как осуществление всеобщего блага.

Политика связана как с созиданием, так и с разрушением, с добром и со злом. К политической власти можно стремиться либо как к средству реализации общественного идеала, либо страстно возжелать ее для достижения эгоистических целей. В переживаемое время политика как разводка окружения и вершина шоу-бизнеса сдвигается преимущественно к сеансу массового гипноза и игре аффектами.

Для актуализации феномена политики понятия «власть» и «управление» необходимы, но недостаточны. Властные отношения присущи церкви и семье. Понятие «власть» используется в качестве метафоры – власть традиций, предрассудков, власть суперлового человека над самим собой. Однако наиболее адекватное выражение данному термину отыскивается именно в политическом диапазоне. Все мотивы, затрагиваемые в классической политологии, сводятся к аспектам получения власти (полномочий) и ее использования. Темы компетентности и ответственности в процессе реализации властных функций не считаются судьбоносными.

Все древо политической мысли прорастает из аристотелевских корней и понимания политики как «всеобщего блага». Навь и Правь такова, что политика и геополитика становятся точкой приложения игрового комбинирующего интеллекта, превращаясь в выгодный вид бизнеса.

Результатом является политический консенсус и «распиливание» материальных ресурсов, изливающихся из новой диспозиции и расстановки сил. Современный «правильный» политик, имеющий «опыт работы в бизнесе», является носителем наперсточной логики и всегда готов перебросить галс. Он склонен утверждать и повторять, что бывшее утопическое напряжение трансформировалось в сознательное или бессознательное повиновение сформировавшейся реальности.

Не игровым, но общественно-преобразующим и дивергентным типом интел-

лекта обладает политически озабоченная интеллигенция (лат. «*intelligentia*» – понимание, разумение). Мифологический и фантастический тип разума как прообраз преобразующего возникают у первобытного человека. Слово «интеллигент» происходит от термина «интеллект».

Феномен интеллекта операционализирует проблему идеального. Интеллект как протоплазма духовности и экзаменатор веры начинается с фантазии и символизации, позволяя вливаться в культуру вообще. И. Кант использовал слово «интеллигенция» для обозначения божественного ума, или «высшего мыслящего существа» (*hochste Intelligenz*). Бог рассматривается им как наивысочайшая разумность, являющаяся началом всякого природного антихаоса и совершенства. Г.В. Гегель свободную деятельность «критически мыслящих личностей» именуется «символизирующей фантазией». Причина такого имитирующего поведения состоит в том, что интеллигенция по-настоящему еще не собралась в цельное единство.

С трудом подвергается сомнению прототезис, что в ареале православной цивилизации сверхзначима вертикаль духовного авторитета, проходящая сквозь обычного человека в небеса и к Богу. Российская интеллигенция как носитель души и прочих нематериальных ценностей отличалась от западной, представляя собой идеологическое гетерогенное социальное образование. Переехавший телом на Запад Н.А. Бердяев отмечал: «Интеллигенция была у нас *идеологической* (курсив – С. Е.), а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных классов» [4, с. 17].

От самого начала зарождения русскоговорящей интеллигенции, любившей Россию не только странной любовью, ее неминуемой чертой была амбивалентность самобытного рода. Одним полюсом являлась сама интеллигенция, а другим – та часть внешнего мира, во имя которой и ведется политическая борьба. Этим полюсом – народной массой – еще только надо завладеть; в то же время он обнаруживается как предпосылка конечного триумфа «сознания нации». Если, по выражению Аристотеля, «интеллект – это действующий разум», то «интеллигенция – это действующая совесть».

Как генетический социальный материал увлекающиеся не только эрзац-страстями не всегда темные, но многочисленные массы в своей потенциальной революционности были точкой исхода, от которой отталкивался кристаллизационный процесс интеллигенции. Наряд от толпы отличается осознанием единства своей исторической

судьбы, слитности жизненных интересов и совместным одолением сопротивления облегающей среды. Концентрация на массе как огромном количестве нулей и ее героизация убыстряли расширение самосознания российской интеллигенции.

Рассеянные фрагменты интеллигенции, озабоченные не исключительно проблемой обеспечения возможности страдать за свои убеждения, синтезировались, и партийно-революционный невроз принимался превалировать над полуночными и кулуарными размышлениями о всемирном предназначении России. Идея массы зарождала «усовершенствующую плоды любимых дум» страту, которая устремлялась к носителям домостроевского типа сознания.

Становление и развитие интеллекта отдельного человека как «меры всех вещей», стремящегося стать звуком поющей вечности, а также общества в целом определяет феномен образования совместно с наружной средой. В «образовании» этимологически светится слово «образ». «Получать образование» – по-английски *«educate»* – восходит к латинскому *«educō»*, что означает *развиваться изнутри*. Образование должно давать человеку дисциплину созидательной мысли.

Работавший в юности учителем гимназии Гегель в «Феноменологии духа» дал такую дефиницию данному понятию: «то, благодаря чему индивид здесь обладает значимостью и действительностью, есть образованность» [5, с. 263].

Секрет Полишинеля состоит в том, что процветание сопутствует социуму, правители которого, формируя стратегию развития, отдают приоритет интеллектуальным и ментальным ингредиентам. «Железный канцлер» Германии Отто фон Бисмарк ратифицировал: «войны выигрывает и проигрывает школьный учитель». Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль подмечал: «школьным учителям принадлежит власть, о которой премьер-министр может только мечтать». Можно вспомнить и слова различного мыслителя эпохи Возрождения Эразма Роттердамского: «Вели-

чайшая надежда нации заключается в достойном воспитании юношества».

Подобает признать правоту этих выдающихся политиков и философов, ибо именно школа как «генетическая матрица» культуры закладывает основы мировоззренческого эталона, определяющего интеллект, нравственность и тип психики. Из философских и методологических оплошностей системы образования как истинной религии (Л. Фейербах) могут истекать неадекватные принципы организации жизнедеятельности общества.

Социально-значимая грань состоит в том, что учение – это свет и для процветания самого государства. Образованность наряду с долголетием и уровнем жизни является основным измерением «индекса человеческого развития» (*human development index*).

История добывает для юности разум стариков (Диодор Сицилийский) и являет, что будущее определяется наличием феномена как будто бы ни с чем не связанного духовного движения. Дисфункция с самого начала наступает внутри, в мыслях и нервах. Флажок на исторических часах вот-вот упадет, и мобилизационные ресурсы всех Великих Побед растворятся в реке времен. За очень сжатый временной интервал на российской культурно-политической клумбе должна заколоситься обновленная и обольстительная национальная идея, созвучная «длинной» культурной и ностальгической памяти.

Заказчиком и инвестором русской идеи, вбирающей в себя позитивные ингредиенты европеоидного идеала и изображающей пути самоусовершенствования и духовного оздоровления, могут быть искатели возможности стратегической оптимизации имиджа. Те, кто правит миром, думают не о деньгах; их решения принимаются исходя из того, что они хотят реализовать какие-то проекты, отражающие определенные ценности. А они в конечном итоге берутся из искусства и философии. Шансы на возрождение – в глубине, где далеко не каждый миг является высшим.

Список литературы:

- [1] Карпунин О., Макаревич Э. Формирование масс: природа общественных связей и технологии «публик рилейшнз»: Опыт историко-социологического исследования. – Калининград: Янтар. сказ, 2001. – 545 с.
- [2] Осипов Ю.М. Россия, Ленин и будущее // Развитие капитализма в России – сто лет спустя / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Е.С. Зотовой. – М.: Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 607 с.
- [3] Фромм Э. Иметь или быть / Пер. с англ. Н. Петренко, О. Иванчук. – Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1998. – 392 с.
- [4] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 220 с.
- [5] Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа; Философия истории / Пер. с нем. Г. Шпета, А. Водена. – Москва: Эксмо, 2007. – 576 с.